

ОКТАБРЬ

Леса желтеют понемногу,
пожухли травы,
птичий род,
готовясь в дальнюю дорогу,
прощальный водит хоровод.
Почти невидимо, высоко
кружат, курлыча, журавли.
Мелькнув стрелою,
меткий сокол
бьёт малых пташек у земли.
А те порхают над лугами,
заполнив криком близь и даль,
в многоголосом звонком гаме
слышна и радость и печаль.
Над ними в виде бумеранга
косяк красавцев-лебедей...
Куда летит он:
К дельте Ганга
Или туда, где нет людей?
Смотрю вослед пернатым с кручи,
в душе тревогу не тая...
Какая ждёт в пути их участь?
Как встретят чуждые края?
Однако вольницу почуяв,
превозмогая риск и страх,
из года в год они кочуют,
расправив крылья на ветрах.
Не всем дано им возвратиться
к своим гнездовьям
к нам весной,
врагов немало и у птицы,
готов убить её любой.
И, где бы птица ни ютилась,
от злой беды ей не уйти –

коварный коршун или пуля
подстерегут в конце пути.
Но сквозь любую непогоду
ведёт по миру птиц инстинкт –
им предназначено природой
вить гнёзда и птенцов растить.
И от библейских дней доселе,
чтоб не кончался птичий род,
они весной спешат на север,
ну а к зиме – наоборот.
Как вот сейчас...
А старый ворон,
усевшись на кривую ель,
глядит с участием
иль с укором
сквозь сон на эту карусель...

СУДЬБА

Я не зря живу на свете этом
и жалею только об одном:
мне борьба мешала стать поэтом,
муза мне мешает быть борцом.

Но я знаю и скажу без спеси:
коли суждено мне дальше жить –
я бороться не смогу без песни,
без борьбы мне песню не сложить.

Потому покой мне только снится,
закалённый в пламени борьбы,
буду песней я за Волю биться,
и другой не надо мне судьбы.

БАЛЛАДА О КУРАЕ

Давным-давно
Париж изящный, знатный,
на конкурсе дыханье затаив,
безмолвно слушал грустный,
непонятный,
но за душу берущий всех мотив.
На чём играли – в публике не знали,
гадал и спорил музыкальный мир –
то был курай,
рождённый на Урале,
играл на нём сэсэн –
старик-башкир.

Простой народ,
изведав зло и беды,
хлебнувший вдоволь горя на веку,
на трубочке из тростника поведал
свою мечту о воле и тоску...
Поведал всё,
что в сердце накипело,
что серебром скопилось в волосах,
и трубочка лесная так запела,
что слёзы вызывала на глазах.
Играл курай,
и в задушевном гуде
заветы предков постигал народ.
Играл курай, и чувствовали люди,
что он их в дали светлые зовёт...
Играл на нём и Салават умело,
вела повстанцев песнь его в огонь –
так звучно
и с такой же силой пела,
быть может, только русская гармонь...
Прошли года,
другими стали песни,
народ свершил немало добрых дел,
напев курая стал ещё чудесней,
как будто бы он сам помолодел.
Мелодией и гимном обновленья
Сменил он песни скорби и тоски
И вызывал восторг и изумление
В концертных залах мира и Москвы.
Он пел о новой жизни на Урале,
восславив труд и красоту невест,
он пел на молодёжном фестивале
и покори́л той песней Бухарест.
Он в Риме пел,
он выступал в Каире
от имени народа своего,
и песню всем понятную о мире
Бомбей далёкий слышал от него.
И подпевал ему индус седобородый,
С тоскою глядя на родимый край,
Завидуя счастливому народу,
Приславшему в знак дружбы свой курай.
Тростник лесной,
Ты – правовестник Мира,
И славою твоею мы горды.
В твоей судьбе видна судьба башкира,
как видно солнце в капельке воды.

ЗВЕЗДА

Не красивей и не лучше многих,
но такой мне, видно, выпал рок,
что однажды тайные дороги
привели меня на твой порог.
И, назвав тебя своей любимой,
унести на звёзды был готов,
но осталась ты неумолимой
и отвергла мой порыв и зов...
Пролетели годы, и дороги
снова нас свели в краю родном,
только на моём теперь пороге
ты стоишь, напомнив о былом.
Но взгляни на небо над собою,
видишь свет, что искорке подстать, –
то любовь моя взошла звездою,
и тебе её уж не достать.

НА ЛЕСОСЕКЕ

Сухой безвременный морозец
окутал инеем наш быт,
на лесосеке бьются оземь,
кряхтя, столетние дубы.
Мы валим лес, согласно плану,
Ведём с природою борьбу,
Но вдруг привиделось неожиданно,
Что рубим чью-то мы судьбу...
Неумолим закон природы,
и так и сяк тебя согнёт,
и хоть не мягкой я породы –
порою оторопь берёт.
Не назовёшь её ты страхом,
но как предчувствие беды,
вдруг разлетается всё прахом,
оставив странные следы...
Свивает Время годы в кольца,
всё дальше корни –
вглубь земли,
и за любимую околицу
другие стёжки пролегли.
Там юность делится на пары,
там тайны сторожит рассвет,
когда крикливую отару
на зелена выводит дед...
Уж скоро снег совсем покроет

твои оставшие виски,
а ты ждёшь счастья и покоя –
они ж, как прежде, не близки.
И всё ж ты ждёшь,
как тайной дани,
страдая, мучаясь, любя, –
литая тяжесть ожиданий
сковала, словно цепь, тебя.
Уже вот-вот, порою мнится,
к тебе заветное придёт,
но вдруг слова, предметы, лица
нежданный случай перервёт...
Ах, с этим что-то делать надо,
но у меня всё невпопад:
то в вешних днях мне нет услады,
то листопаду я не рад.
То солнца жажду я,
то ливня,
и смутных дум душа полна –
как в час прилива и отлива,
судьба качает на волнах...
Пора скупого листопада –
и мне серьёзным быть пора,
но продолжают рядом падать
дубы под взмахи топора...

ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Такая жизнь:
то спады, то подъёмы,
то вверх взойдёшь,
то опрокинут ниц...
Глядишь,
живёшь, ещё мечтой влекомый,
а годы, словно сны, уж пронеслись.
Такая жизнь придумана не нами,
Такая жизнь –
она сродни горам,
и мы – её вершины
или камни,
скатившиеся к чьим-нибудь ногам.
Земля моя,
твоими родниками
вспоён я как священной водой,
и, коль придётся падать,
пусть не камнем
я упаду,
а каплей дождевой.